

ПОРТРЕТ И.И. БОЛОТНИКОВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История Смутного времени всегда привлекала внимание историков, и в первую очередь исторические личности этого периода заслуживают подробного и внимательного изучения. В статье рассматривается личность Ивана Исаевича Болотникова, который возглавил крестьянское выступление в 1606–1607 гг. Проводится анализ оценок личности И.И. Болотникова и определения его социального статуса историками в дореволюционный (классический), советский и постсоветский периоды. Выделяются факторы, влияющие на работу историка в разные исторические периоды.

Ключевые слова: И.И. Болотников; крестьянская война; историография.

Иван Исаевич Болотников – руководитель восстания, имевшего значительный размах в 1606–1607 гг. во время Смуты, прославившийся как «большой воевода» царя Дмитрия (Лжедмитрия I).

Особенностью восстания под руководством И.И. Болотникова является то, что в состав его участников входили полярные социальные группы: служилые люди, горожане, крестьяне и казаки. Поэтому так важно выяснить, как оценивали вождя восстания историки разных эпох. Необходимо отметить особенность изучения данного сюжета, которая заключается в малочисленности источниковой базы. Кроме обозначенной задачи, перед нами стоял вопрос: от чего зависит работа историка и что на нее влияет?

В рамках классической историографии нами были проанализированы труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. Описание происхождения И.И. Болотникова М.Н. Карамзиным, С.М. Соловьёвым и Н.И. Костомаровым [1] очень схоже (что наводит на мысль об одном и том же использованном источнике): в молодости он попал в плен к татарам, затем был продан туркам, где был галерным невольником. Через некоторое время он был выкуплен немцами либо венецианцами, после чего какое-то время жил в Венеции. Из Венеции И.И. Болотников отправился на родину через Польшу, где и познакомился с М. Молчановым (который выдавал себя за спасшегося царевича Дмитрия) и был им отправлен с письмом к Г. Шаховскому. Следует отметить, что мы не обнаружили в изложении историков упоминания о социальном положении И.И. Болотникова до того момента, когда он попал в плен. Мы можем предположить, что он мог быть служилым человеком, так как все авторы упоминают о его некоторых военных навыках, да и само пленение могло произойти именно во время службы.

Сметливость, дерзость и ум – основные качества, которыми характеризуют историки-классики И.И. Болотникова.

В.О. Ключевский приводит менее подробную характеристику руководителя восстания. Анализируя его основные качества, историк называет И.И. Болотникова «дельцом» [2. С. 44]. На наш взгляд, тем самым автор характеризует его как человека предприимчивого и обладающего сметливым умом.

С.Ф. Платонов вообще не указывает происхождения И.И. Болотникова, но выделяет основные причи-

ны его участия в восстании: помимо приверженности к первому самозванцу и патриотических чувств, которые он проявляет при знакомстве с М. Молчановым, он «нёс к Москве вражду к высшим классам вообще» [3. С. 248]. Таким образом, автор показывает борьбу противоположных сословий. С.М. Соловьёв причиной включения И.И. Болотникова в восстание называет ту цель, которую преследовал Г. Шаховской: «...надобно было подкрепить восстание, давши ему вождя смелого, таким явился Болотников» [4. С. 467], потому что М. Молчанов отказался играть роль Дмитрия, и это грозило спадом движения, что не было выгодно Г. Шаховскому.

Лозунги, исходящие от И.И. Болотникова, также могут характеризовать руководителя восстания, могут прояснить цель, которая заставляла Ивана Болотникова действовать. Классики сходятся на том, что лозунги И.И. Болотникова о социальном перевороте, о возможности имущественной наживы привлекали крестьян. На этом основании стоит отметить вывод В.О. Ключевского о том, что политических стремлений у крестьянства не было, они лишь хотели облегчить своё тяжёлое положение: «Холопы поднимались, чтобы выйти из холопства, стать вольными казаками, крестьяне – чтобы освободиться от обязательств, какие привязывали их к землевладельцам, и от крестьянского тягла, посадские люди – чтобы избавиться от посадского тягла и поступить в служилые или приказные люди» [2. С. 45]. Здесь можно поставить вопрос, относился ли сам И.И. Болотников к этим крестьянам (или беглым холопам) или же просто умело пользовался антагонистическими противоречиями между феодалами и крестьянами.

С.М. Соловьёв в своем труде охарактеризовал И.И. Болотникова как казака. Историк в соответствии со своей концепцией казачества как антигосударственного элемента описывает тягу казаков к грабежу: И.И. Болотников «...обратился к своим, обещая волю, богатства и почести под знамёнами Дмитрия, и под эти знамёна начали стекаться разбойники, воры... беглые холопы и крестьяне, казаки... посадские люди и стрельцы...» [4. С. 468]. Именно из-за тяги к легкой наживе казаки присоединялись к отрядам И.И. Болотникова, да и сам руководитель этих отрядов, как следует из работы С.М. Соловьева, преследовал именно эту цель.

Показательны выводы Н.М. Карамзина о лозунгах Ивана Болотникова. И.И. Болотников по мере своего

движения вовлекал в восстание земли посредством агитации, в том числе и Рязанскую землю: «...шёл вперед и восстанавливал державу Самозванца» [5. С. 469]. Агитация носила характер обещаний о лучшей жизни: «...приказывали им резать дворян и людей торговых, брать их жён и достояние, обещая им *богатство и воеводство*...» [Там же. С. 471]. Таким образом происходило расширение восстания.

Н.М. Карамзин не обозначает лозунги, которые исходили от самого И.И. Болотникова, но из содержания видно, что всё делалось во имя Лжедмитрия. Ведь сам И.И. Болотников величал себя «большим воеводой» царя Дмитрия. Так, после победы болотниковцев под Кромами И.И. Болотников «ругался над пленными: называл их кровопийцами, злодеями, бунтовщиками, а царя Василия *Шубником*» [Там же. С. 469]. Здесь виден характер восприятия власти народом – В.И. Шуйский был выборным царем, а Дмитрий должен был стать царем по наследству, как помазанник божий.

На основе грамот, которые И.И. Болотников рассылал, находясь под Москвой, С.М. Соловьев определяет характер восстания: «Велят боярским холопам побить своих бояр, жён их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безыменникам вора велят гостей и всех торговых людей побивать, именье их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольниковство и дьячество» [4. С. 470]. Таким образом, по мнению С.М. Соловьёва, восстание имело разбойничий и грабительский характер, а его руководитель был главным бандитом.

В.О. Ключевский разделил лозунги, исходящие от И.И. Болотникова, на две части. К первой части относятся лозунги, благодаря которым предводитель пополнял ряды восставших: «...натравлял их против воевод, господ и всех власть имущих» [2. С. 44]. Ко второй части относятся лозунги, или «прокламации», как называет их сам историк, которые распространяли по Москве. Текст этих «прокламаций» совпадает с тем текстом, который приводили С.М. Соловьёв и Н.И. Костомаров. Таким образом, И.И.Б. выступает как умелый политик, использующий разные приемы убеждения в соответствии со складывавшейся ситуацией.

Еще один аспект портрета И.И. Болотникова в классической историографии можно проследить из описания С.М. Соловьёвым событий раскола в лагере повстанцев. Историк, подобно Н.М. Карамзину, указывает на раскол в лагере повстанцев уже в то время, когда они находились у села Коломенского. Здесь, по мнению С.М. Соловьёва, обнаруживается грабительский характер движения, поэтому дворяне начинают выходить из лагеря И.И. Болотникова: «...увидав, с кем у них общее дело, из двух, по их мнению, зол, решились выбрать меньшее, т.е. снова служить Шуйскому» [4. С. 470]. Историк называет причину перехода И. Пашкова на сторону правительства: «...Болотников не хотел уступать ему первенство, а Пашков не хотел быть ниже холопа» [Там же. С. 471]. Таким образом, руководитель движения охарактеризован историком как человек властолюбивый и стремящийся к этой власти.

Для анализа характеристики И.И. Болотникова историками советского периода нами были использованы труды М.Н. Покровского, И.И. Смирнова, В.И. Корецкого, Р.Г. Скрынникова, А.А. Зимина, В.И. Буганова.

В советский период историки применяют классовый подход. Противоречия в лагере повстанцев между аристократами и крестьянами М.Н. Покровский назвал классовыми [6. С. 50]. Предводитель восстания И.И. Болотников характеризуется автором в самом выгодном свете: «Человек смелый, предприимчивый, звал всё крестьянство свергнуть гнёт» [6. С. 50]. Таким образом, явственно проявилась политизированность в освещении темы восстания под предводительством И.И. Болотникова.

Более основательно вопросы крестьянских движений стали изучаться в 50-е гг. XX в. В 1951 г. вышел фундаментальный труд Ивана Ивановича Смирнова, посвящённый восстанию под руководством И.И. Болотникова, – «Восстание Болотникова 1606–1607». Само восстание И.И. Смирнов определил как «крестьянское восстание против феодального гнёта» [7. С. 6]. В вопросе о происхождении предводителя восстания прослеживается преемственность с историками-классиками.

В 1953 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 6) вышла статья редакционной коллегии «О некоторых важнейших задачах советских историков». В ней содержался призыв к развёртыванию научных дискуссий, поэтому важным средством исторических исследований стала организация дискуссий.

В 1958 г. на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась дискуссия о крестьянской войне в России начала XVII в. Основные вопросы дискуссии: определение и признаки крестьянской войны, хронология восстания и его движущие силы.

В ходе дискуссии снова был актуализирован вопрос о недостатке источников по вопросу восстания под предводительством И.И. Болотникова. В 1971 г. В.И. Корецкий в статье «Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова (вступительная статья)», опубликованной в журнале «Вопросы истории», обращается к материалам развернувшейся дискуссии. Историк обнаружил новую летопись, которая охватывает период с 1598 по 1632 г. По словам В.И. Корецкого, автор летописи крайне негативно оценивает восставших, а «информаторы составителя летописи – служилые люди северо-западных уездов» [8. С. 137]. Летопись вводит уточнения о сражении болотниковцев с правительственной армией под Кромами, а именно то, что благодаря И.И. Болотникову была одержана победа в этом сражении: «Честь победы над царскими войсками в сражении под Кромами, открывшей дорогу на Москву, действительно принадлежит И.И. Болотникову» [Там же. С. 136]. Несмотря на негативный отзыв о И.И. Болотникове автора летописи, упоминается такое его качество, как владение военным искусством.

В обнаруженной В.И. Корецким летописи присутствует и краткая характеристика самого И.И. Болотникова: «Всему злу вор и захватчик и всех злых дел

начальник» [8. С. 136]. Такая характеристика предводителя восстания подтверждает негативное отношение автора к повстанцам, что историки советского периода объясняют классовой борьбой.

В 1974 г. был опубликован сборник статей «Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения», в котором ряд статей был посвящён восстанию И.И. Болотникова. Исследователи рассматривают новые аспекты движения и углубляют или проясняют известные, такие как связь болотниковцев с польским населением, требования повстанцев, личность И.И. Болотникова и формирование его как вождя восстания, заключительный этап восстания и место крестьянских войн в истории. Ниже мы подробнее рассмотрим некоторые статьи этого сборника.

В.И. Корецкий провёл исследование по определению социального статуса И.И. Болотникова. Историк пришёл к выводу, что предводитель восстания был не просто боевым холопом князя А.А. Телятевского, а выходцем из среды тульских детей боярских. В.И. Корецкий сопоставил расположение земель князя А.А. Телятевского и детей боярских Болотниковых [9]. Впоследствии это суждение будет принято и другими историками. В работе 1975 г. историк напишет о важной роли И.И. Болотникова, а именно о том, что И.И. Болотников «способствовал усилению антифеодальных настроений и оформлению их в конечном счёте в программные требования» [10. С. 263]. Это суждение автора показывает И.И. Болотникова как истинного вождя восстания. Позднее Р.Г. Скрынников в 1988 г. подверг критике суждения В.И. Корецкого о социальной принадлежности И.И. Болотникова: «Вопреки гипотезе В.И. Корецкого, никаких сведений о пожаловании поместий Болотниковым в источниках нет» [11. С. 157]. По мнению историка, И.И. Болотников вышел из среды боевых холопов.

Позднее, в 1975 г., В.И. Корецкий выделил различия требований И. Пашкова и И.И. Болотникова: «И. Пашков требовал выдачи прежде всего царя и двух его братьев» [10. С. 304], а в письмах И.И. Болотникова «о которых говорится в “Английском донесении”, речь шла о “разных боярах”, указанных поимённо, то есть по существу о выдаче всей правящей верхушки» [Там же]. В.И. Корецкий также проследил процесс смены лозунгов руководителя восстания. По его мнению, обращения к холопам и городским низам стали определяющими «лишь тогда, когда иллюзии о возможности вступления в Москву путём переговоров оказались рассеянными и на очередь стала задача военного овладения столицей» [10. С. 307]. Таким образом, историк показывает И.И. Болотникова как блестящего руководителя, который не просто использует свои военнополководческие способности для достижения определённой цели, но и применяет стратегические манёвры и хитрость. В противовес В.И. Корецкому, Р.Г. Скрынников отстаивал мнение о том, что «противостояние “программ” Болотникова и Пашкова не находит опоры в источниках» [11. С. 134]. Руслан Григорьевич исходит из того, что прокламации составлялись в Коломенском и рассылались по столице

тогда, когда «коломенский лагерь возглавляли Болотников, Пашков и Беззубцев... все трое несли равную ответственность за “прелестные грамоты”» [Там же]. На этом основании Р.Г. Скрынников предположил, что грамоты адресовались не только холопам, а всему московскому населению.

Александр Александрович Зимин в статье вышеуказанного сборника охарактеризовал последний этап восстания – тульский период. Историк использовал две группы источников по данному вопросу: отечественные памятники и сказания иностранцев. Точка зрения автора состоит в том, что И.И. Болотников и Лжепётр не присягали В.И. Шуйскому после сдачи Тулы, а были выданы тулянами царю: русские источники, кроме расспросных речей Петра, «Сказания Авраамия Палицына» и «Иного Сказания», «прямо и недвусмысленно говорят о том, что “царевич Петр” и Болотников были выданы тульскими изменниками» [12. С. 54]. А.А. Зимин изучил и неизвестные до того документы, в которых подтверждалось суждение о выдаче тульскими сидельцами И.И. Болотникова и Лжепетра: «Казанское сказание», «Пискаревский летописец», обнаруженный В.И. Корецким летописец 10-х гг. XVII в. и «Бельской летописец». Историк не отрицает самого факта переговоров, но задаётся вопросом, с кем именно они велись и кому царь дал клятву не казнить оборонителей Тулы: «Как вариант адресатов: Пётр, Болотников, повстанцы в целом» [Там же. С. 59]. По утверждениям иностранцев К. Буссова и Геркмана, переговоры вели именно Пётр и И.И. Болотников. Но сам историк сомневается в этом и рассуждает следующим образом: «Если бы Болотников заключил какой-то договор с Шуйским, то скорее можно было бы ожидать, что царь Василий использует этого выдающегося военачальника в борьбе с не затихшим ещё шквалом народного восстания» [Там же. С. 62].

Таким образом А.А. Зимин обосновывает своё суждение о принудительной выдаче тулянами И.И. Болотникова и Лжепетра, а версию об их самовольной сдаче распространяло само правительство с целью прекращения выступлений в других частях страны. Автор сделал вывод, что «И.И. Болотников до самой своей гибели оставался *бескомпромиссным борцом с крепостническим* правительством Василия Шуйского» [Там же. С. 64].

В 1975 г. была опубликована монография В.И. Корецкого «Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России». В.И. Корецкий поставил себе задачу изучить то, как проходил раздел владений, отнятых у господ. Разрешение этой задачи привело его к выводу, что не только господские земли подлежали изъятию: «Есть основания думать, что поместная перестановка во время восстания Болотникова не ограничивалась кругом служилых людей, а захватывала и крестьян, и холопов» [10. С. 274]. Кроме этого, историк говорит о главенстве И.И. Болотникова над остальными руководителями движения: «Осуществлял верховную власть на территории, занятой его войсками, без оглядки на Путивль» [Там же. С. 280]. Это мнение исследователя подтверждает ра-

нее сделанный вывод о властолюбии И.И. Болотникова. Здесь же видим противоречивость поступков И.И. Болотникова, которая заключается в том, что сначала он в своих лозунгах призывает громить поместья феодалов и перераспределять их имущество среди обездоленных и обделенных крестьян, но этих погромов, как выясняется, не избежали и крестьянские владения.

Далее мы обратимся к двум работам В.И. Буганова за 1976 г. — «Крестьянская война в России начала XVII века» и «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.». Историк полагает, что будущий предводитель восстания в Россию пришёл не один, а «во главе большого военного отряда, с которым вместе, вероятно, вёл борьбу против турок во время пребывания в Венгрии» [13. С. 30]. В таком случае, И.И. Болотников уже имел опору в виде военного отряда, который был ему верен. В свою очередь, Р.Г. Скрынников отрицает наличие войска, которое мог привести с собой И.И. Болотников: «Болотников был пленником, пробиравшимся с чужбины, и никаких воинских сил при нём не было» [11. С. 76]. Противоречие мнений В.И. Буганова и Р.Г. Скрынникова заключается в том, что они использовали разные источники. В.И. Буганов пользовался сведениями И. Массы, который пишет о войске, пришедшем с И.И. Болотниковым, а Р.Г. Скрынников использовал сведения К. Буссова.

В.И. Буганов выявил характеристики, которые давали вождю восстания источники разного происхождения. В современных восстанию русских и иностранных материалах И.И. Болотникова называют «начальником», «воеводой» восставших, «главным атаманом», но подчёркивается зависимость его от Лжедмитрия и Лжепетра — «гетман царя Димитрия», «боярин царевича Петра». Русские правительственные документы именуют И.И. Болотникова «вором». Некоторые современники-иностранцы называли его «отважным витязем», «отважным удалцом» [13. С. 30]. Как видим, в характеристике вождя восстания отражены разные цели и задачи тех людей, которые сообщали о нём. Например, неудивительно, что правительство характеризовало его негативно, а те люди, которые боролись против правительства, давали ему самые лестные оценки. Сам В.И. Буганов, на наш взгляд, симпатизирует личности И.И. Болотникова и его действиям. Это отражается в употреблении оценок, относящихся к И.И. Болотникову: «блестящая победа», «замечательная победа» и «герои осады Калуги и Тулы».

В противовес А.А. Зимину, Р.Г. Скрынников считал, что «именно вольное казачество, постоянно пополнявшееся за счёт беглых холопов и крепостных крестьян, стало одной из главных сил повстанческого движения начала XVII в.» [14. С. 250]. Поэтому историк уделил большое внимание казачеству и склонялся к тому, что сам И.И. Болотников был выходцем из этой среды. Казаки привлекались правительством для охраны южных границ: им предоставлялось земельное обеспечение: «Казаки владели землёй на тех же условиях обязательной службы, что и дети боярские» [Там же. С. 21]. Количество казаков при охране За-

сечной черты в 1957 г. примерно в два раза превышало количество остальных служилых людей.

Интересны замечания Р.Г. Скрынникова по поводу рассуждений И.И. Болотникова во время обороны Калуги. По свидетельству К. Буссова, вождь восстания неоднократно посылал в Путивль просьбы о помощи царя Дмитрия, «а затем, убедившись в бесполезности этих попыток, направил письмо в Самбор, предлагая, чтобы кто-нибудь из близких Юрия Мнишека выдал себя за “Дмитрия” и поспешил в Россию, чтобы вызволить своих сторонников» [11. С. 192]. Значит, можно сделать вывод о том, что И.И. Болотников знал о подложности Дмитрия. Тогда утверждения других историков об уверенности И.И. Болотникова в истинности Дмитрия несостоятельны.

Историография восстания И.И. Болотникова постсоветского периода представлена работами В.И. Корецкого, Р.Г. Скрынникова, Л.Е. Морозовой, А.М. Панченко, Л.А. Черной, А.Л. Станиславского, К.В. Чистова и В.Я. Мауля.

В 1994 г. в первом томе «Энциклопедии» был помещён краткий очерк о восстании И.И. Болотникова, а также сведения о самом руководителе восстания. Прослеживается отход от определения восстания как классовой борьбы между крестьянами и феодалами. Авторство статьи о восстании И.И. Болотникова принадлежит В.И. Корецкому [15. С. 262].

О самом И.И. Болотникове в «Энциклопедии» ничего нового не говорится. Он представлен как выходец из холопов, таким образом, часть его биографии до попадания в холопство не освещена; предположение В.И. Корецкого о том, что И.И. Болотников вышел из обнищавших тульских дворян, не упоминается. Это приводит к мысли, что данное суждение В.И. Корецкого было воспринято широкими (хотя и не всеми) кругами научного сообщества как неподтверждённое. Предводителя восстания автор статьи наделял определёнными личностными качествами, которые позволили ему возглавить восстание: «Благодаря своим незаурядным личным качествам и опыту, возглавил поход на Москву» [16. С. 262].

Новшеством 1990-х гг. стали исследования в рамках культурологического подхода. В этой связи необходимо отметить монографию А.М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ». Один из сюжетов посвящён самозванчеству и восприятию власти народом. По мнению А.М. Панченко, концепция самозванчества была противопоставлена народом концепции Ивана Грозного: «Земля рассудила, что это ей не подходит, и гордыне монаршего “богоподобия” противопоставила бунт меньшей братии и гражданскую войну» [17. С. 15]. Поэтому самозванчество — это «народная оболочка бунта» [Там же]. Здесь мы наблюдаем сходство с концепцией К.В. Чистова, в соответствии с которой легенда о «царевиче-избавителе» стала идеологической основой движения И.И. Болотникова. Как уже упоминалось выше, И.И. Болотников шел под знаменами царевича Дмитрия и уверенно распространял влияние его имени среди населения. А.М. Панченко выделил несколько типов самозванцев: 1) нарушитель канонов (Лжедмит-

рий I); 2) народный царь-батюшка (самый распространенный тип). Как раз тип царя-батюшки тесно связан с легендой о «возвращающемся избавителе».

Л.А. Чёрная рассматривает Смутное время как начало переходного периода в русской культуре. Одной из причин, на её взгляд, стало иное, чем при Грозном, восприятие власти подданными: «На русском престоле оказались цари, лишённые богоизбранности (Борис Годунов, Василий Шуйский, не говоря уже о самозванцах)» [18. С. 178]. При царе Иване IV власть воспринималась как сугубо сакральная, но восшествие на престол перечисленных выше людей сломало это представление. Таким образом, формировался человек, который воспринимал происходящие события по-новому. Этому способствовали, по мнению автора, и веяния со стороны западных стран, от которых Россия отставала, но всё же пыталась перенимать их опыт. На основе выводов Л.А. Чёрной можно говорить о повстанцах как о борцах за традиционное мироустройство с некими маргиналами переходного периода.

А.Л. Станиславский подверг пересмотру состав повстанцев. Можно говорить о некоторой «реабилитации» казачества в качестве участников движения начала XVII в. Именно казакам посвящена работа историка. Автор рассмотрел те условия, которые побудили казаков вступить в антиправительственное движение. Одним из таких условий стал голод 1601–1603 гг.: «Резкое повышение в начале XVII в. цен на хлеб и другие продукты питания поставило казачество, всецело зависевшее от подвоза продовольствия из России, в особенно тяжёлое положение» [19]. В связи с этим участились разбойные нападения на Крым, Азов, Турцию и Россию. Б.Ф. Годунов принимал ограничительные меры в отношении казаков – запреты на торговлю и нахождение в приграничных городах. В результате казаки стали поддерживать самозванцев, преследуя собственные интересы. Историк обращает внимание на то, что и раньше исследователи (И.И. Смирнов, В.И. Корецкий, В.Д. Назаров, Б.Н. Флоря) говорили о значительном количестве казачества в лагерях самозванцев.

А.Л. Станиславский выделил характерные черты, которые, по его мнению, были присущи всем антиправительственным казачьим выступлениям начала XVII в.: «Вера в “доброе” царя, резкая антибоярская направленность, значительная роль в казачьем войске бывших холопов» [Там же]. Автор подтверждает мысль В.И. Корецкого о том, что с И.И. Болотниковым в Россию пришёл большой отряд казаков. Историк обратил внимание на самоназвание повстанцев – «воровские», «донские» или «вольные» казаки, что указывает на присутствие в большом объёме донских казаков в рядах болотниковцев.

Другим аргументом, подтверждающим присутствие значительного количества казаков в повстанческой армии, стала организация отрядов и порядок их обеспечения. А.Л. Станиславский проводит параллели со способом материального обеспечения казаков в Польше и России: «В Речи Посполитой служилые люди всех категорий в XVI–XVII вв. в качестве воз-

награждения за службу нередко получали или забирали силой определённые территории в кормления – приставства» [Там же]. По его мнению, из Польши этот способ был перенесён в Россию.

2000-е гг. были плодотворнее 1990-х. В это время появились новые наработки по истории восстания болотниковцев. Историки стали чаще использовать антропологический подход и полностью избавились от идеологических шор. Были реабилитированы труды историков-классиков. Многие аспекты восстания были пересмотрены. Это отчётливо прослеживается в трудах Р.Г. Скрынникова.

Возвращаясь к проблеме социального статуса И.И. Болотникова, надо сказать, что Р.Г. Скрынников оспаривает версию о принадлежности вождя восстания к дворянам. Автор предполагает, что И.И. Болотников мог быть участником разбоев в 1602–1603 гг. Это предположение строится на основании английской записки о России, в которой вождь восстания назван «старым разбойником с Волги»: «Не значит ли это, что Болотников участвовал в разбое и грабеже холопов в 1602–1603 гг.?» [20. С. 650]. Таким образом, историк предполагает, вслед за А.Л. Станиславским, что предводитель восстания мог быть казаком.

Интересен тот факт, что, отказавшись от прямолинейного классового подхода, Р.Г. Скрынников перестал говорить о различии действий отрядов И.И. Болотникова и И. Пашкова: «Что касается репрессий, они носили примерно одинаковый характер и там, где шёл Пашков, и там, где двигался Болотников» [21. С. 223]. Историк даёт также новую оценку действий предводителя восставших – в ней исчезают нотки восхищения этими действиями: «Вождь неизменно терпел поражения, предоставленный своим силам» [Там же. С. 230].

В 2003 г. вышло новое переработанное издание работы К.В. Чистова «Русская народная утопия». Автор ставит проблему «народного монархизма». В рамках изучения этой проблемы К.В. Чистов ответил на вопрос, почему взбунтовавшийся народ требовал восстановления именно царистской формы управления: крестьяне не имели представления об ином способе управления государством, кроме монархического [22. С. 462]. Этот тезис подтверждает сюжетная схема складывавшихся легенд об «избавителях», т.е. люди имели четкое представление о том, какой власть должна быть.

Исследования о «народном монархизме» предпринимал и В.Я. Мауль. Историк проследил его связь с народными движениями XVII–XVIII вв.: «Знаковой чертой русского бунта является его тесная связь с народным монархизмом, основанным на идее “истинного” царя» [23. С. 7]. В этой связи автор предпринял исследование волны самозванства, связанной с именем сына Ивана IV – Дмитрием. В.Я. Мауль назвал составляющие «самозванческой харизмы»: отмены на теле, благочестие, взятие на себя обязанности защиты народных интересов, принесение присяги. В целом прослеживается преемственность мнений К.В. Чистова и В.Я. Мауля по вопросу распространения и бытования легенды о «спасшемся» царевиче Дмитрие Ивановиче.

Л.Е. Морозова выдвинула новую версию происхождения вождя восстания. Исследовательница указывает даже примерную дату рождения И.И. Болотникова – конец 1560 – начало 1570-х гг. в рязанском городке к югу от Оки. Его отец, по словам автора, был кадровым военным и нёс пограничную службу и по положению считался сыном боярским. Когда Иван Исаевич понял, что не сможет прокормиться на отведённой ему земле, то поступил на службу к А.А. Телятевскому и стал его боевым холопом. Некоторое время спустя И.И. Болотников стал казаком, но время пребывания его в казаках неизвестно [24. С. 192]. С этого момента биография И.И. Болотникова не расходится с повествованием других исследователей. К большому сожалению, автор не указывает источники, которые отражают те события из жизни вождя восстания, которые ею приведены.

Подводя итог, можно отметить, что все оценки личности и деятельности И.И. Болотникова носили неоднозначный характер. Это можно объяснить рядом факторов. Такие историки-классики, как Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, в силу своих взглядов на государственное устройство характеризовали вождя восстания негативно, чаще как разбойника. Н.И. Костомаров давал положительную оценку деятельности И.И. Болотникова, что было связано также с его личными взглядами. В.О. Ключевский охарактеризовал не только социальные мотивы действий И.И. Болотникова, но и экономические и пришел к выводу, что Иван Болотников стремился к обогащению в сложившейся ситуации Смуты. Историки советского периода расширили источниковую базу исследования восстания И.И. Болотникова и были

склонны к апологетике действий болотниковцев и самого их вождя. Такая позиция исследователей была связана с идеологическим режимом, в условиях которого они были вынуждены работать. Вынужденность эта прослеживается в том, что некоторые историки советского периода с падением СССР меняли свои взгляды (например В.И. Корецкий, Р.Г. Скрынников). Важно отметить, что в советский период начинают появляться исследования, авторы которых предпринимали попытки установить социальный статус И.И. Болотникова, определяя его выходцем из мелкопоместных детей боярских. В постсоветские десятилетия наблюдается отход от классового принципа, и исследователи начинают использовать антропологический и культурологический подходы. Продолжились разыскания неизвестных источников по данному вопросу. Произошел пересмотр социального статуса И.И. Болотникова. Теперь Иван Болотников представлен как выходец из казаков, а его деятельность перестала характеризоваться с восторгом и одобрением.

Возвращаясь к вопросу о том, что же влияет на деятельность историка, а соответственно на даваемые им оценки, мы пришли к следующему выводу. Первостепенным фактором будет имеющаяся в распоряжении историка источниковая база, ведь очень трудно давать объективную оценку событию или человеку при отсутствии необходимого числа материалов. Немаловажным фактором будут личные взгляды ученого, этот тезис очень ярко иллюстрирует позиция С.М. Соловьева. Кроме перечисленных двух факторов, мы выделили еще один – идеология. Именно идеология определяла позиции историков советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров Н.И. Смутное время в Московском государстве в начале XVII столетия. М. : Чарли, 1994. 800 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : в 9 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 415 с.
3. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Переиздание. М. : Соцэкгиз, 1937. 499 с.
4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Соцэкгиз, 1960. Кн. IV. 778 с.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. Калуга : Золотая аллея, 1993. Т. 12. 592 с.
6. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке : в 3 ч. М. : Полиграфкнига, 1934. Ч. 1–2. 259 с.
7. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. Л. : Политиздат, 1951. 588 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/319351/>
8. Корецкий В.И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова (вступительная статья) // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 130–152.
9. Корецкий В.И. О формировании И.И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 122–147.
10. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. : Наука, 1975. 372 с.
11. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л. : Наука, 1988. 255 с.
12. Зимин А.А. И.И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 52–64.
13. Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1976. 223 с.
14. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М. : Мысль, 1988. 283 с.
15. Корецкий В.И. Болотникова восстание // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия. Т. 1м : А–Д. М. : Большая рос. энциклопедия, 1994. С. 262–263.
16. Морозов Б.Н. Болотников // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия. Т. 1 : А–Д. М. : БРЭ, 1994. С. 262.
17. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 205 с.
18. Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к новому времени: философско-антропологический анализ русской культуры XVII-первой трети XVIII века. М. : Языки русской культуры, 1999. 304 с.
19. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М. : Мысль, 1990. URL: <http://annales.info/rus/stanislav/index.htm#gv>
20. Скрынников Р.Г. 1612 год. М. : АСТ, 2007. 798 с.
21. Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. М. : АСТ, 2002. 400 с.
22. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : РАН, 2003. 539 с.
23. Мауль В.Я. Самозванцы цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачёвского восстания) // Вестник Томского ун-та. 2005. № 40. С. 5–43.

PORTRAIT OF I.I. BOLOTNIKOV IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 135-142. DOI 10.17223/15617793/394/23

Simonova Marina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

Keywords: I.I. Bolotnikov; peasant war; historiography.

The article analyzes the personality of Ivan Bolotnikov in Russian historiography. I.I. Bolotnikov was a leader of the Peasant War in 1606–1607. The history of historical science was divided chronologically into three periods: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet. A feature of studying the uprising of I.I. Bolotnikov is the scarcity of sources. Therefore, the basis for portraying Ivan Bolotnikov was numerically small and incomplete data about him by his contemporaries, analysis of slogans put forward by I.I. Bolotnikov and his associates, as well as description of his activities. In the framework of classical historiography, the works of N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, N.I. Kostomarov, V.O. Kluchevsky and S.F. Platonov were analyzed. To analyze I.I. Bolotnikov's portrait by historians in the Soviet period, the writings of M.N. Pokrovsky, I.I. Smirnov, V.I. Koretskiy, R.G. Skrynnikov, A.A. Zimin and V.I. Buganov were used. During this period, historians used the class approach and the leader of the uprising is characterized as a fighter for freedom and justice. It was during the Soviet decades that discussions unfold on the Peasant War of the early 17th century. In addition, historians of the Soviet period made the greatest contribution to the study of the details of the uprising and the search for new sources. Historiography of I.I. Bolotnikov's uprising in the post-Soviet period is represented by works of V.I. Koretskono, R.G. Skrynnikov, L.E. Morozova, A.M. Panchenko, L.A. Chernaya, A.L. Stanislavskiy, K.V. Tchistov and V.Ya. Maul. Historians of the 1990s – 2000s began to abandon the ideological regime of the Soviet decades. During these years, works of classical historians were rehabilitated. Thus, evaluation of the personality and activities of I.I. Bolotnikov were ambiguous. This can be explained by several factors. Historians and classics like N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, because of their views on the state system, characterized the leader of the uprising negatively, more like a robber. Kluchevsky characterized the economic motives of I.I. Bolotnikov's actions and concluded that Ivan Bolotnikov sought personal wealth. Historians of the Soviet period expanded the source base of I.I. Bolotnikov's uprising research and were prone to the apologetics of Bolotnikov and his associates' actions. It is important to note that during the Soviet period studies appeared in which the authors attempted to establish the social status of I.I. Bolotnikov, defining him as a native of small nobles. The post-Soviet decades depart from the class principle; and researchers begin to use anthropological and cultural approaches. The search for unknown sources on the subject continues. I.I. Bolotnikov's social status is revised. Now Ivan Bolotnikov is presented as a native of the Cossacks, and his activities are no longer characterized with delight and approval.

REFERENCES

1. Kostomarov N.I. *Smutnoe vremya v Moskovskom gosudarstve v nachale XVII stoletiya* [Time of Troubles in the Muscovite state in the early 17th century]. Moscow: Charli Publ., 1994. 800 p.
2. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t. [Works: in 9 v.]*. Moscow: Mysl' Publ., 1988. V. 3, 415 p.
3. Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.: opyt izucheniya obshchestvennogo stroya i sotsialnykh otnosheniy v Smutnoe vremya* [Essays on the history of the Troubles in the Muscovite state of the 16th – 17th centuries: experience of studying social structure and class relations in the Time of Troubles]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1937. 499 p.
4. Solovyov S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia since ancient times: in 15 books]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1960. Book IV, 778 p.
5. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 12 t.* [The History of the Russian State: in 12 v.]. Kaluga: Zolotaya alleya Publ., 1993. V. 12, 592 p.
6. Pokrovskiy M.N. *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke: v 3 ch.* [Russian history in the most concise essay: in 3 pts.]. Moscow: Poligrafkniga Publ., 1934. Pt. 1–2, 259 p.
7. Smirnov I.I. *Vosstanie Bolotnikova 1606–1607* [The Bolotnikov Uprising of 1606-1607]. Leningrad: Politizdat Publ., 1951. 588 p. Available from: <http://www.twirpx.com/file/319351/>.
8. Koretskiy V.I. Novoe o krest'yanskom zakrepushchenii i vosstanii I.I. Bolotnikova (vstupitel'naya stat'ya) [New data on peasant enslavement and the uprising of I.I. Bolotnikov (introductory article)]. *Voprosy istorii*, 1971, no. 5, pp. 130–152.
9. Koretskiy V.I. *O formirovanii I.I. Bolotnikova kak vozhdy krest'yanskogo vosstaniya* [On the formation of I.I. Bolotnikov as the leader of a peasant uprising]. In: Cherepnin L.V. (ed.) *Krest'yanskie voyny v Rossii 17th–18th vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant wars in Russia of the 17th – 18th centuries: problems, searches, solutions]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 122–147.
10. Koretskiy V.I. *Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya vojna v Rossii* [Formation of serfdom and the first peasant war in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 372 p.
11. Skrynnikov R.G. *Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov* [The Time of Troubles in Russia in the early 17th century. Ivan Bolotnikov]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 255 p.
12. Zimin A.A. *I.I. Bolotnikov i padenie Tuly v 1607 g.* [I.I. Bolotnikov and the fall of Tula in 1607]. In: Cherepnin L.V. (ed.) *Krest'yanskie voyny v Rossii 17th–18th vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant wars in Russia of the 17th – 18th centuries: problems, searches, solutions]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 52–64.
13. Buganov V.I. *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII – XVIII vv.* [Peasant wars in Russia in the 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 223 p.
14. Skrynnikov R.G. *Rossiya v nachale XVII v. "Smuta"* [Russia at the beginning of the 17th century. "The Troubles"]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 283 p.

15. Koretskiy V.I. *Bolotnikova vosstanie* [Russia at the beginning of the 17th century. "The Troubles."]. In: Yanin V.L. (ed.) *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 goda: entsiklopediya* [National History. History of Russia from ancient times to 1917: Encycl-opediya]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994. V. 1, pp. 262–263.
16. Morozov B.N. *Bolotnikov* [Bolotnikov]. In: Yanin V.L. (ed.) *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 goda: entsiklopediya* [National History. History of Russia from ancient times to 1917: Encycl-opediya]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994. V. 1, p. 262.
17. Panchenko A.M. *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Bolotnikov]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 205 p.
18. Chernaya L.A. *Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot Srednevekov'ya k novomu vremeni: filosofsko-antropologicheskii analiz russkoy kul'tury XVII – pervoy treti XVIII veka* [Russian culture transition from the Middle Ages to modern times: the philosophical and anthropological analysis of Russian culture 17th – first third of the 18th century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 304 p.
19. Stanislavskiy A.L. *Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii* [The civil war in Russia of the 17th century. Cossacks at the turn of history]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. Available from: <http://Annales.info/rus/stanislav/index.htm#gv>.
20. Skrynnikov R.G. *1612 god* [1612]. Moscow: AST Publ., 2007. 798 p.
21. Skrynnikov R.G. *Vasilii Shuyskiy*. Moscow: AST Publ., 2002. 400 p. (In Russian).
22. Chistov K.V. *Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian folk utopia (the genesis and function of socio-utopian legends)]. St. Petersburg: RAS Publ., 2003. 539 p.
23. Maul' V.Ya. Samozvannye tsari i tsarevichi v sotsiokul'turnoy retrospektive russkogo bunta (do pugachevskogo vosstaniya) [Pseudo-tzars and princes in the socio-cultural retrospective of the Russian rebellion (until Pugachev's Rebellion)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Byulleten' operativnoy informatsii*, 2005, no. 40, pp. 5–43.
24. Morozova L.E. *Smuta: ee geroi, uchastniki, zherty (slozhnye, tragicheskie i zaputannye sobytiya Smutnogo vremeni v istorii Rossiyskogo gosudarstva)* [The Time of Troubles: its heroes, participants, victims (complex, tragic and confusing events of the Time of Troubles in the history of the Russian state)]. Moscow: Astrel' Publ., 2004. 544 p.

Received: 22 March 2015